

Т.И. Тищенко

МЕЖДУ ДВУМЯ БЕЗДНАМИ
(философские проблемы в творчестве Ф.М. Достоевского)

*Для чего познавать это чертово
 добро и зло, когда это столького
 стоит?*

Ф. Достоевский

Главные герои Достоевского – мыслители, идеологи, и если не у каждого из них «мысль велика», то у каждого – «неразрешенная». Не случайно однокоренные от слова «решение» становятся ключевыми словами в романах Достоевского, а неразрешимость ситуации и попытки ее разрешения – сюжетная основа большинства произведений.

«Он из тех, которым не надобно миллиона, а надобно мысль разрешить» [3, т. XIV, с. 76] – говорит Алеша Карамазов о брате Иване. Но тоже самое говорит и Иван о себе, об Алеше, о других «русских мальчишках»: «...нам прежде всего надо предвечные вопросы разрешить, вот наша забота. Вся молодая Россия только лишь о вековечных вопросах теперь и толкует» [3, т. XIV, с. 212-213]. Заражается этой мукой от братьев своих Дмитрий. Проверяет на себе чужую мысль, за неимением собственных Смердяков. Даже Федор Павлович Карамазов – не просто «развратный сладострастник и подлейший комедиант» [3, т. XIV, с. 69], а идеолог шутовства и разврата. Мимолетная мысль одного из второстепенных героев романа «Братья Карамазовы» – «и себя и идею унижу» [3, т. XIV, с. 36] – очень характерна, принципиальна для героев Достоевского. Герой и идея сливаются в единое, нерасторжимое целое, и это настолько существенный для художественного мира Достоевского момент, что «идея, как предмет изображения и как доминанта в построении образов героев, приводит к распадению романного мира на миры героев, организованные и оформленные владеющими ими идеями» [1, с. 31]. Ярчайший образец слияния человека и идеи – Раскольников. Странной своей теории он приносит в жертву собственную судьбу «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку!» [3, т. VI, с. 322], но не отказывается, не отрекается до последнего, потому что иначе – «Зачем ему жить? Что иметь в виду? К чему стремиться? Жить, чтобы существовать? Но он тысячу раз и прежде готов был отдать свое существование за идею, за надежду, даже за фантазию» [3, т. VI, с. 417]. И только когда на горизонте забрезжил свет новой идеи, Раскольников расстался со своей смертоносной теорией. Вся подлинная жизнь героев Достоевского - в разрешении идеи: «...если отмыслить от них идею, в которой они живут, то их образ будет полностью разрушен» [1, с. 115].

Но парадоксальность и драматизм ситуации в том, что мысль, являющаяся стержнем художественного образа, духовной основой личности

героев Достоевского, как правило, оказывается разрушительной и ведет к катастрофическим последствиям. В романах Достоевского мысль, несмотря на свою колоссальную мощь и энергию, словно несет на себе первородный грех познания добра и зла, и поэтому всегда изначально порочна или даже преступна. В этом можно убедиться на примере самых ярких «мыслителей» Достоевского – Родиона Раскольникова и Ивана Карамазова, не говоря уже о разномастных и разномасштабных «бесах».

Носители положительного начала к мысли относятся подозрительно и недоверчиво, противопоставляя ей чувство и веру. «Мыслят устроиться справедливо, но, отвергнув Христа, кончат тем, что зальют мир кровью», – говорит Зосима и с горечью насмешников-атеистов вопрошает: «Когда же вы-то воздвигнете здание свое и устроитесь справедливо, лишь умом своим, без Христа?» [3, т. XIV, с. 288]. Даже живущего сердцем князя Мышкина упрекают в том, что он поддался «наплывной массе головных убеждений», но, по неопытности приняв их «за убеждения истинные, природные и непосредственные» [3, т. VIII, с. 481]. Логика противопоставления «направлена на дискредитацию «головного» как ложного. И наконец полную ясность вносит Порфирий Петрович: «Еще хорошо, что вы старушонку только убили, – говорит он Раскольникову. – А выдумай вы другую теорию, так, пожалуй, еще и в сто миллионов раз безобразное дело бы сделали!».

Иными словами, теория, «головное» начало всегда ведет в пропасть, и поэтому противостоит ей не другая – хорошая – теория, а чувство, вера, живая жизнь. «Я ведь вас за кого почитаю? – внушает Порфирий Петрович. – Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, – если только веру иль Бога найдет». Веру или Бога! Но не новую идею взамен старой. «Знаю, что не веруется, – продолжает он, – а вы лукаво не мудрствуйте; отдайтесь жизни прямо, не рассуждая, не беспокойтесь, – прямо на берег вынесет и на ноги поставит» [3, т. VI, с. 351]. Отдаться жизни, не мудрствуя лукаво, «жизнь полюбить больше, чем смысл ее» [3, т. XIV, с. 210], «жить вопреки всякой логике, «только бы жить, жить и жить! Как бы ни жить, -только жить!» [3, т. VI, с. 123]. «Мыслителям» Достоевского это хорошо знакомо, они тоже не в силах оторваться от этого «кубка», им дороги «клейкие, распускающиеся весной листочки, дорого голубое небо, дорог иной человек» [3, т. XIV, с. 210]. Они понимают, что жизнь безгранична и бездонна, а возможности мысли ограничены: она не в силах перекрыть живую поступь истории. Герои Достоевского и сам автор не верит в то, что «социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы», способна тотчас же «устроить все человечество и в один миг сделать его праведным и безгрешным» [3, т. VI, с. 197]. Никакой логикой не объяснить и не исчерпать человека («причины действий человеческих обыкновенно бесчисленно сложнее и разнообразнее, чем мы их всегда потом объясняем, и редко определенно очерчиваются» [3, т. VII, с. 402]; да и в самой мысли всегда есть нечто нелогичное,

иррациональное, невыразимое: « во всякой гениальной или новой человеческой мысли... всегда остается нечто такое, чего никак нельзя передать другим людям, хотя бы вы исписали целые тома и растолковывали вашу мысль тридцать пять лет; всегда останется нечто, что ни за что не захочет выйти из-под вашего черепа и останется при вас навеки, с тем вы и умрете, не передав никому, может быть, самого-то главного из вашей идеи» [3, т. VII, с. 328]. Более того – герои - «мыслители», истерзанные душевным непокоем и вечным поиском ответов на неразрешимые вопросы, и рады бы, может быть, обрести спокойную пристань. «Моя мечта, – говорит двойник Ивана Федоровича, – это воплотиться, но чтоб уж окончательно, безвозвратно, в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху и всему поверить, во что она верит» [3, т. XV, с. 74]. А Разумихин с юмором, столь редким на страницах романов Достоевского, рисует впечатляющую картину бездумного блаженства: « Тут, брат, этакое перинное начало лежит, – эх! Да и не одно перинное! Тут втягивает; тут конец свету, якорь, тихое пристанище, пуп земли, трехрыбное основание мира, эссенция блинов, жирных кулебяк, вечернего самовара, тихих воздыханий и теплых кацавеек, натопленных лежанок, – ну, вот точно ты умер, а в то же время и жив, обе выгоды разом!» [3, т. VI, с. 161]. Но – «одного существования всегда было мало» [3, т. VI, с. 417] героям Достоевского, «широкое и глубокое сердце» [3, т. VI, с. 203] несовместимо с «перинным началом», и страстное желание уверовать, пропеть осанну бессильно одолеть бесстрашную мысль, ибо «для жизни мало одной осанны», надо, чтоб «осанна» – то эта переходила через горнило сомнений» [3, т. XV, с. 77].

«Гордость мысли» предопределила трагический исход судьбы толстовского князя Андрея. Герой одного из самых светлых, оптимистичных романов мировой литературы Болконский, осмелившийся «горняя мудрствовать и горних искати» [3, т. XIV, с. 66], обречен. «Ах, душа моя, – говорит он Пьеру, – последнее время мне стало тяжело жить. Я вижу, что стал понимать слишком много. А не годится человеку вкушать от древа познания добра и зла... Ну, да ненадолго!» [8, тт. 3 – 4, с. 217]. И Пьер не произносит дежурных слов утешения, он понимает: это его «последнее свидание с другом». Трагичны и судьбы мыслителей Достоевского. Но ни Андрей Болконский, ни Родион Раскольников, ни Иван Карамазов не смогут и не захотят жить иначе, не променяют свою душевную муку на утробный покой «семипудовой купчихи». «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца, – говорит Раскольников. – Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть» [3, т. VI, с. 203]. Более того – для людей такого склада, быть может, «страдание и есть жизнь. Без страдания, какое было бы в ней удовольствие – все обратилось бы в один бесконечный молебен; оно свято, но скучновато» [3, т. XV, с. 77]. И если этот тезис можно было бы, а главное, хотелось бы подвергнуть сомнению, то со словами «подпольного» человека о том, что страдание – «это единственная причина сознания» [3, т. V, с. 119], можно, пожалуй, согласиться. Так или

иначе, пусть сознание – «величайшее для человека несчастье, но я знаю, – утверждает герой из «подполья», – что человек его любит и не променяет ни на какие удовлетворения» [3, т. V, с. 119].

Философы XX века, шедшие вслед за Достоевским, находившиеся под несомненным воздействием интеллектуальной мощи его идей, что не мешало им, впрочем, полемизировать с гениальным писателем, продолжили исследование вечной драмы человеческого сознания.

Можно – и нужно! – тысячу раз не соглашаться с Фридрихом Ницше, когда он называет христианское сострадание «проповедью Ничто» [5, с. 22], когда он провозглашает: «Пусть гибнут слабые и уродливые... Надо еще помогать им гибнуть»; когда он спрашивает: «Что вреднее любого порока?» – и отвечает: «Сострадать слабым и калекам – христианство...» [5, с. 19]. Можно и нужно в этом случае апеллировать к гуманизму Достоевского: «Сострадание есть главнейший, и, может быть, единственный закон бытия всего человечества» [3, т. VII, с. 192]. XX век доказал эту истину миллионам жертв, поставив само выживание человечества в прямую зависимость от милосердия и сострадания. Но нельзя не ощутить богоборческую силу и неотразимую притягательность гимна человеческому разуму, звучавшего со страниц «Антихристианина»: когда человек «вкусил от древа познания», – пишет Ницше, – «ветхим богом овладел адский страх. Оказалось, что человек – САМАЯ БОЛЬШАЯ из его ошибок, он в нем создал соперника себе, – благодаря знанию становишься КАК БОГ, – так что конец жрецам и богам, если только человек станет ученым!..» [5, с. 70].

«Потребность веры» – это «потребность СЛАБОГО» [5, с. 78] – утверждает Ницше. Но там, где торжествует вера, «путь к истине оказывается под запретом» [5, с. 37], – предостерегает он. «Господи, что это за книга и какие уроки! – с благоговейным трепетом восклицает Зосима. – Что за книга это священное писание, какое чудо, и какая сила, данные с нею человеку! Точно изваяние мира и человека и характеров человеческих, и названо все и указано на веки веков» [3, т. XIV, с. 265]. Но дерзкий человеческий разум сопротивляется такому «нравственному миропорядку», при котором «ценность народа и отдельного человека измеряется степенью послушания их богу» [5, с. 42]. Человек разумный не хочет быть чем-то «вроде фортепьянной клавиши или органного штифтика» [3, т. V, с. 112], какая бы сила ни присваивала себе право им управлять. Разум вновь и вновь восстает против попыток сковать и ограничить его всепроникающую силу, и прав Камю: «...нет зрелища прекраснее, чем борьба интеллекта с превосходящей его реальностью. Ни с чем не сравнимо зрелище человеческой гордыни, тут ничего не могут поделать все самоуничтожения» [4, с. 260].

Есть несомненная горькая правда человеческого бытия и человеческой истории в легенде о Великом Инквизиторе. Есть огромная притягательная сила в проповеди и личности Зосимы. Но на равных с ними, неопровергнутый и неопроверженный, звучит голос сомневающегося, покорного, дерзкого

человека. И жаждущий всеобщего смирения и примирения во Христе, но раздираемый сомнениями и искушениями мысли Достоевский предоставляет каждому своему герою полную свободу высказывания. «Множественность самостоятельных и несложных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов» [1, с. 7], ведущих нескончаемый диалог о мире и человеке, являются первоосновой той новой художественной формы, созданной Достоевским, которая блестяще была описана М.М. Бахтиным и названа «полифоническим романом» и которая является художественным отражением единственно плодотворного пути человеческого познания – диалога о мире, диалога с миром.

«Первое движение человека всегда есть движение к истине» [6, с. 163], – пишет В. Розанов, не соглашаясь с тем уничижительным приговором, который выносит человечеству Великий Инквизитор. Но поиск истины не есть поиск желательного» [4, с. 250], предупреждает А. Камю. «Человечеству приятнее видеть жесты, нежели выслушивать ДОВОДЫ» [5, с. 79], – сокрушается Ницше и дерзко посягает на самое святое: «РАЗВЕ КРЕСТ – АРГУМЕНТ?..» [5, с. 77].

Все аргументы, все бесчисленные pro и contra в романах Достоевского взвешиваются, оцениваются и переоцениваются заново. Путь человечества к истине не просто отражен в творчестве гениального русского художника – путь этот пролегал через его творения. Но есть ли это доказательство «безграничных возможностей, всемогущества и вездесущества человеческой, обнимающей мир мысли» [9, с. 530], не есть ли это торжество человеческого духа, создавшего и бога, и дьявола и равно отразившегося в них? Но и это не последний аргумент. Именно Бог, утверждает Бердяев, «ждет от человека свободного дерзновения творчества» [2, с. 158], «мир потому и зачался, что Бог изначально возжелал свободы» [2, с. 46], и то, что Бог захотел человека, это значит свободной любви его» [2, с. 47]. Так ли это? Хотелось бы верить, что это так. А может быть, «суть дела не в том, существует ли бог», а в том, что «человек должен обрести себя и убедиться, что ничто не может его спасти от себя самого, даже достоверное доказательство существования бога»? [7, с. 344]. Тогда прав экзистенциализм, который «отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование» [7, с. 323]. Ведь без сознания этой ответственности человеческий полет над «бездной под нами, бездной самого низшего и зловонного падения», устремленный к «бездне над нами, бездне высших идеалов» [3, с. 129], будет однажды оборван. А ведь именно в нем, наверное, и заключен смысл жизни. «О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда открыл Америку, а когда открывал ее», ибо «дело в жизни, в одной жизни, – в открывании ее, непрерывном и вечном, а совсем не в открытии!» [3, т. VIII, с. 327] – писал Федор Михайлович Достоевский и, наверное, был прав.

Литература

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советский писатель. – 1963.

2. Бердяев Н. Смысл истории. – М., 190.
3. Достоевский Ф. Полное собрание сочинений в 30тт. – Л., 1972 – 1988.
4. Камю А. Миф о Сизифе // В кн.: Сумерки богов. – М.: ИПЛ. – 1990.
5. Ницше Ф. Антихристианин // В кн.: Сумерки богов. – М.: ИПЛ. – 1990.
6. Розанов В. Несовместимые контрасты жития. – М., 1990.
7. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // В кн.: Сумерки богов. – М., 1990.
8. Толстой Л.Н. Война и мир. – М.-Л.: ИХЛ, 1966.
9. Трубников Н. Проспект книги о смысле жизни // В кн.: Квинтэссенция. Философский альманах. – М., 1990.

Аннотация

Тищенко Т.И. Между двумя безднами (философские проблемы в творчестве Ф.М. Достоевского.).

В статье рассматриваются «неразрешенные» вопросы, которые волнуют героев Ф. М. Достоевского. Персонажи и их идеи сливаются в единое нерасторжимое целое и это существенный момент для художественного мира писателя. Но парадоксальность и драматизм ситуации в том, что мысль, являющаяся стержнем художественного образа, духовной основой личности героев Достоевского, как правило, оказывается разрушительной и ведет к катастрофическим последствиям.

Ключевые слова: мысль, идея, вера, страдание, сострадание.

Анотація

Тищенко Т.І. Між двома безоднями (філософські проблеми в творчості Ф.М. Достоевського).

У статті розглядаються «невирішені» питання, що хвилюють героїв Ф.М. Достоевського. Персонажі та їхні ідеї зливаються в єдине ціле і це є суттєвим моментом для художнього світу письменника. Але парадоксальність і драматизм ситуації полягає в тому, що думка, яка є стержнем художнього образу, духовною основою особистості героїв Достоевського, зазвичай, виявляється руйнівною і призводить до катастрофічних наслідків.

Ключові слова: думка, ідея, віра, страждання, співчуття.

Summary

Tyshchenko T.I. Between the two gulfs (Philosophical Problems in Dostoevsky's art).

In this article, as we can see, are mentioned “unresolved” questions which trouble Dostoevsky’s heroes. Characters and their ideas are merged into one inseparable part and it is a significant moment for the writers’s art world. Nevertheless, this is a paradoxical and dramatic situation because the idea, which is the core of the artistic image, the spiritual foundation of Dostoevsky's heroes personality, as a rule, is destructive and leads to terrible consequences.

Key words: thought, idea, belief, suffering, compassion.